

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ: ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ,
ДИПЛОМАТИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ. КОНТИНЕНТЫ

Т.Матвеева. День прав человека	3
В.Луков. Проблемы международной безопасности России	13
В.Шлямин. Заботы российского Северо-Запада	22
А.Кортунов. Клинтон и мы	26
И.Максимычев. Германский фактор европейской безопасности	36
П.Смирнов. Черноморский саммит в Москве	48

ДИПЛОМАТИЯ

Б.Цепов. Российское посольство	55
Ю.Прошин. К услугам дипкорпуса. ГлавУпДК	63
Н.Садчиков. Двуглавый орел на загранпаспорте	69
В.Зотин. Дипломаты в таджикском урегулировании	81

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

В.Пряхин. Как злату победить булат?	88
В.Шлыков. Роковые просчеты американской и советской разведок—3	95
В.Гайдук. Италия. Серьезный собеседник в Европе	102

100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г.К.ЖУКОВА

М.Гареев. Великий полководец России	109
--	-----

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

В.Сафрончук. Дипломатическая история "Бури в пустыне"	123
А.Воронин. Г.Чичерин. "Надо смотреть на реальности и всюду искать союзников"	136
В.Карягин. Елка в Кремле	147

* * *

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1996 году	155
--	-----

11-12
1996

журнал выходит на русском и английском языках

издается с августа 1954 г. • Москва

РОКОВЫЕ ПРОСЧЕТЫ АМЕРИКАНСКОЙ И СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДОК—3

Гонка вооружений и экономика

В. Шлыков

В КОНЦЕ 1971 ГОДА по инициативе Министерства обороны было принято специальное решение Политбюро ЦК КПСС №229 о сосредоточении в Главном разведывательном управлении (ГРУ) Генерального штаба Вооруженных сил СССР усилий всех министерств и ведомств страны по анализу военно-экономического потенциала (ВЭП) зарубежных стран. Этим решением ГРУ получало право ставить задачи по оценке ВЭП потенциальных противников всем государственным структурам (включая КГБ, МИД, МВТ, все военно-промышленные министерства и учреждения Академии наук СССР) с тем, чтобы затем представлять свои оценки и выводы в Политбюро и правительство.

Решение Политбюро №229 предусматривало среди прочего создание в ГРУ специального военно-экономического управления для подготовки ежегодных "Сборников статистических и оценочных показателей военно-экономического потенциала" (сокращенно — сборников СОП ВЭП) основных иностранных государств (США, Китая, Японии, Великобритании, ФРГ, Франции и Италии). Кроме того, тем же решением правительству СССР предписывалось создать в составе ГРУ мощный центр (институт) по исследованию ВЭП зарубежных стран на базе одного из научно-исследовательских институтов Минобороны, в который вошли бы также все "закрытые" военно-экономические подразделения Академии наук, включая отдел технико-экономических исследований (ОТЭИ) ИМЭМО.

После этого решения было начато и в сжатые сроки завершено формирование военно-экономического (10-го) управления ГРУ, которое уже в 1972 году выпустило новые сборники СОП ВЭП. Укомплектование управления было значительно облегчено тем, что решение №229 предусматривало выделение для него около ста генеральских и офицерских должностей "сверх штатной численности Вооруженных сил СССР".

Не буду объяснять, что значит эта странно звучащая фраза, но для того, чтобы стало понятным, с какой *terra incognita* общество имеет дело в лице Минобороны, МВД, ВПК, приведу два факта из событий наших дней.

Сначала процитирую слова секретаря Совета обороны Юрия Батурина из интервью, недавно данного им еженедельнику "Итоги": "Министр обороны говорит о сокращении Вооруженных сил МО до уровня 1 миллиона 250 тысяч военнослужащих.

Но весь вопрос в том, какой уровень, какую численность Вооруженных сил мы считаем исходной для этого сокращения. Очень грубо, округляя до сотен тысяч, мы можем говорить о ны-

Виталий Васильевич Шлыков — независимый эксперт, заместитель председателя Государственного комитета России по оборонным вопросам, 1990 — 1992 гг.

Третья статья. Начало см.: "Международная жизнь", 1996 г., №№ 9, 10.

нешней численности военнослужащих МО России в два с половиной миллиона человек...

Вот это-то и есть самое страшное: у нас живет многолетняя традиция, которая тянется еще с советских времен, — прятать в оборонной сфере самые неожиданные и непредвиденные расходы. Одно ведомство за счет войск испокон веку содержит часть своего аппарата управления. Другое, наоборот, выводит вне численности персонал каких-то своих баз, полигонов. У нас, оказывается, по всей стране разбросано огромное количество объектов — с людьми, с техникой, со всей инфраструктурой, обслугой, поддержкой, которых ни по одному счету как бы нет. А на самом деле они есть. И выходит, что сейчас никто не может сказать точно, сколько в действительности у нас всего людей под ружьем. Поэтому прежде всего нам еще нужно провести самую обыкновенную инвентаризацию. И хоть один раз сказать себе честно: на самом деле у нас вот столько-то войск всех видов, в целом..."¹

А вот что говорит на страницах "Известий" генерал-полковник Борис Громов: "Главная финансовая головоломка — незнание точной численности личного состава Вооруженных сил. Невообразимая путаница между армейским контингентом и ведомственными, министерскими "армиями", число которых приближается сегодня к двадцати... Никто не знает, кому из первых лиц в государстве эти "армии" подчиняются. Как и за счет чего финансируются. Нет единства и в определении численности войск в составе самого Министерства обороны. 1 миллион 600 тысяч человек — данные Минобороны. У Совета обороны РФ данные другие — 2 миллиона 500 тысяч. Свое число людей в погонах, составляющих Вооруженные силы России, называет и Минэкономики: 3 миллиона 700 тысяч человек!"²

Если подобный хаос царит в таком элементарном вопросе, как подсчет числа людей в погонах у нас дома, то не так уж трудно представить себе, как обстоит дело в такой области, как мобилизационная подготовка экономики США и их партнеров по НАТО: долгие годы усилия были направлены на то, чтобы создать картину завышенных возможностей Соединенных Штатов к ведению войны, поддерживая алармистские настроения у руководства и добиваясь таким образом удовлетворения все новых запросов отечественного ВПК. Точно таким же образом действовали и американская разведка, генералитет Пентагона, военный базис Америки. Святых не было ни с той, ни с другой стороны.

Укомплектование военно-экономического управления ГРУ было завершено в короткие сроки. Спешили еще и потому, что должностные категории в нем, как и вообще в центральном аппарате Минобороны и Генштаба, были довольно высокие (сегодня в Минобороны 370 генерал-полковников, в то время как в конце Великой Отечественной войны их было всего 58). У начальника управления была категория генерал-лейтенанта, у его заместителей и начальников направлений — генерал-майора.

Начиная с 1972 года был организован не только выпуск сборников, заданных в решении Политбюро, но и, в дополнение к ним, сборников по военно-экономическому потенциалу стран Африки, Латинской Америки, блоку НАТО в целом, Израилю и т.д.

Этими сборниками очень гордились. Они действительно смотрелись впечатляюще. 200-300 страниц объемом каждый, в ярких твердых обложках апельсинового цвета (из-за этого вне стен ГРУ они были известны среди посвященных как "оранжевые сборни-

¹ "Итоги", 29 октября 1996 г., стр.11.

² "Известия", 6 ноября 1996 г.

ки") с надписью "Главное разведывательное управление Генерального штаба" на обложке и грифом "совершенно секретно".

Их престижу способствовало и то, что в соответствии с решением Политбюро №229 сборники рассылались напрямую Генеральному секретарю ЦК КПСС и членам Политбюро, что делало их единственным периодическим документом ГРУ, в обязательном порядке адресованным в столь высокие инстанции. Остальные документы ГРУ как организации внутриведомственной направлялись сначала начальнику Генштаба, а затем через него министру обороны, который уже сам решал, кому направлять, а кому нет тот или иной документ.

Первоначально список получателей сборников СОП ВЭП был чрезвычайно ограничен — не более двух десятков адресатов. Однако постепенно он расширялся и ко времени моего ухода из ГРУ (1988 год) зашкаливал за сотню.

Содержание сборников, однако, выглядело менее внушительно. В основном они были заполнены вполне традиционными показателями, взятыми из богатой западной статистики (численность и состав населения, валовой национальный продукт, производство основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции, объем, состав и географическая направленность экспорта и импорта и т.д.). Отдельные разделы посвящались численности и составу вооруженных сил, военному бюджету, количеству и тактико-техническим характеристикам вооружения и военной техники, имеющейся в войсках того или иного государства.

Секретного в этих военных разделах было мало, показатели для них брались в основном из открытых зарубежных источников. Что касается данных, добытых разведкой агентурным путем или содержащихся в шифротелеграммах заграничных аппаратов ГРУ, то их использование при подготовке сборников запрещалось. Такое решение объяснялось естественными соображениями конспирации, однако это был не единственный мотив. Главная причина, как я убедился на своем опыте, состояла в том, что агентурные сведения часто опровергали выводы и завышенные официальные оценки, особенно в отношении характера и масштабов мобилизационных приготовлений стран Запада.

Впоследствии, уже после 1980 года, когда я возглавил выпуск сборников, мне удалось понизить их гриф до просто "секретно", однако все мои попытки полностью рассекретить их или хотя бы сделать документами "для служебного пользования" потерпели неудачу. Камнем преткновения стал один из самых тощих разделов сборника, содержащий данные по мобилизационным мощностям промышленности и ее мобилизационному развертыванию. Термин "мобилизационное развертывание промышленности" изобретен в советском Генштабе и на Западе не используется. Там его приблизительным эквивалентом является понятие "промышленная мобилизация".

Формальное возражение начальства состояло в том, что нельзя раскрывать перед возможным противником методики своих расчетов его мобилизационных мощностей и их развертывания.

Отговорка была явно надуманной, ибо все методики были сведены в несекретное, изданное в 1973 году "Методическое пособие по подготовке сборников ВЭП". Дело это прошлое, и можно вспомнить, о чем шла речь.

Важнейшую роль среди них играла методика расчета максимальных мощностей с использованием данных о производственных площадях сборочных предприятий.

Сама по себе методика была проста. Кривая строится в масштабе на миллиметровой бумаге следующим образом. В качестве исходных данных для построения кривой берутся две точки А и В, то есть показатели текущего (А) и полного (В) использования производственных мощностей. Размеры текущего и полного развертывания, а также период полного развертывания, необходимые для нанесения точек А и В, определяются или из документальных источников, или из экспертно-аналитических данных применительно к каждому образцу продукции. Таким образом, кроме размеров текущего производства для построения кривой необходимо было знать всего два параметра — максимальные производственные мощности после завершения мобилизационного развертывания и сроки достижения промышленностью максимального уровня производства. Форма кривой, писали авторы, в значительной степени определяется углом наклона α , который устанавливается в результате экспертной оценки возможного нарастания производства в первый месяц после начала развертывания. Этот темп наращивания производства резко отличается в зависимости от типа и вида продукции и может быть с достаточной объективностью оценен подготовленными экспертами. По двум точкам А и В и углу наклона α проводится эмпирическая кривая, которая должна соответствовать вышеуказанным требованиям. Эта кривая удобна тем, что позволяет определить размер производства на любой день и месяц после начала развертывания путем логарифмирования этой функции, или, иными словами, путем вычисления площади под кривой³.

Я бы не стал так подробно останавливаться на этих методиках, если бы они не были на протяжении 15 лет после решения Политбюро №229 основным источником той информации, на базе которой давались оценки мобилизационных возможностей потенциальных противников. Этими методиками так гордились, что их в середине 1980-х годов представили на Государственную премию.

Для получения оценки мобилизационных возможностей того или иного государства нуждались в трех показателях: текущем производстве конкретного образца вооружения, мощности сборочного завода по его выпуску и времени, необходимом для производства данного образца.

Получение первого показателя — текущее производство вооружения — особого труда не представляло, так как эти данные на Западе не являются, как правило, секретными, особенно по традиционным видам вооружения (танки, самолеты, корабли, артиллерийские орудия и т.д.). Информация о них содержится и в бюджетах, и в официальных докладах глав военных ведомств, и в многочисленных периодических военных изданиях (журналах, справочниках и т.п.), выходящих на Западе, и в специальных обзорах частных фирм, занимающихся изучением как национальных, так и международных рынков вооружений.

Сложнее было найти данные по мощностям сборочных заводов и срокам мобилизационного развертывания производства конкретных образцов вооружения. В открытых публикациях такие данные встречаются редко, а учитывая огромную номенклатуру выпускаемой в мире военной техники, к тому же постоянно обновляющейся, следует признать, что получение таких показателей представляет собой очень и очень непростую задачу.

Однако решали эту задачу часто элементарно. Попытку сослаться на отсутствие данных пресекали словами: "Дай свою

³ "Методическое пособие по подготовке сборников ВЭП". М., 1973, стр.25,27.

оценку". Боялись при этом занизить масштабы "милитаристской угрозы" со стороны Запада и давали свою оценку по максимуму. Предполагалось, что если в годы второй мировой войны США имели возможность произвести 70 тысяч танков в год, то и сейчас смогут произвести не меньше.

Именно так, я думаю, и появилось в военно-научном труде ГРУ "Военный потенциал США" за 1975 год под редакцией маршала В.Куликова утверждение о том, что в американской танковой промышленности производство танков по мобилизационному плану должно осуществляться на девяти сборочных заводах, три из которых (суммарной мощностью 27 тысяч танков в год) действуют, а шесть заводов (мощностью 29 тысяч танков в год) находятся в резерве.

В том же труде "Военный потенциал США" утверждалось, что согласно официальным документам предприятия кадровой военной промышленности США имеют три вида мобилизационной готовности: высокая, низкая и минимальная. Согласно этим неназванным документам высокая мобилизационная готовность обеспечивается на действующих предприятиях кадровой военной промышленности, резервные мощности которых полностью осваиваются через 90 суток после начала мобилизации. При этом состоянии резервное производственное оборудование (законсервированные линии) в ряде случаев постоянно подключено к энергоисточнику. Примером такого предприятия может служить детройтский танковый арсенал, на котором имеются пять сборочных линий общей производительностью 16 тысяч танков в год. (В это самое время детройтский танковый завод с трудом выпускал 600 танков в год. — В.Ш.)

Низкая мобилизационная готовность предусматривается на резервных предприятиях военной промышленности, выход которых на полную мощность в случае мобилизации возможен через полгода, от М90 до М180 (то есть, по принятой у военных терминологии, в течение 90-180 дней после начала мобилизации — В.Ш.). При данном состоянии готовности завод находится полностью на консервации, или на свободных площадях производится гражданская продукция, а оборудование для военной продукции законсервировано.

Минимальная готовность предусматривается на таких резервных предприятиях, которые ранее выпускали военную продукцию, а сейчас переведены на гражданское производство, но имеют мобилизационное задание. Развертывание военного производства на них может быть достигнуто к концу года.

И далее, в качестве примера ввода в строй подобного предприятия, находящегося в минимальном состоянии готовности, приводили пример более чем тридцатилетней давности, когда в годы второй мировой войны локомотивостроительный завод фирмы "Болдуин Лайма Гамильтон" в городе Лайма (штат Огайо) приступил к серийному производству танков через девять месяцев с момента принятия решения о его перестройке. К этому времени его мощности были развернуты на 15 процентов, а к концу года он достиг максимальной мощности.

Обобщая все вышесказанное, приходили к выводу, что поддержание отраслей военной промышленности в состоянии трех видов готовности позволяет организовать ее работу в случае мобилизации (скрыто до начала военных действий или в ходе войны) таким образом, что основное ядро действующих предприятий развернет массовое производство оружия и боевой техники в первые три месяца войны с последующим его значительным наращи-

ванием в течение года за счет ввода мощностей резервных заводов.

На самом деле никаких "официальных документов" о столь высокой степени мобилизационной готовности промышленности США не существовало. Да они вряд ли могли быть хотя бы потому, что подобная степень регламентирования со стороны государства несовместима с самими основами функционирования частного сектора капиталистической экономики. Здесь кроется одна из основных причин живучести бытующих у нас до сих пор представлений об американской системе мобилизационной подготовки экономики.

В упомянутом труде "Военный потенциал США" утверждалось, например, что основу военной промышленности США составляют 150 принадлежащих американскому министерству обороны заводов общей стоимостью 18 миллиардов долларов.

Между тем доля государственных предприятий в военной экономике США незначительна. Так, по официальным данным Конгресса, в 1980 году в стране имелось 83 государственных завода (с тех пор их число сократилось примерно вдвое — В.Ш.), из которых лишь один напрямую управлялся Министерством обороны, а остальные были сданы в аренду частным фирмам. В то же время в 1980 году заказы Пентагона выполняли от 25 до 30 тысяч головных подрядчиков и свыше 50 тысяч субподрядчиков⁴.

Решение Политбюро №229 от 1971 года предписывало наряду с созданием в центральном аппарате ГРУ военно-экономического управления также сформировать центр (институт) по изучению ВЭП зарубежных стран на базе одного из научно-исследовательских институтов Минобороны.

Во вновь созданном военно-экономическом (10-м) управлении, куда я был назначен на службу в апреле 1974 года, пытались, конечно, придать более реалистичный характер выдаваемым данным по мобилизационной подготовке, но давалось это с большим трудом.

К тому же в конечном счете после нескольких лет бюрократических тяжб влиятельные в то время директора ИМЭМО и остальных "закрытых" военно-экономических подразделений Академии наук отбились и сохранили независимость своих военно-экономических отделов и секторов. Однако последним трудно было оправиться от понесенных кадровых потерь. К тому же на их деятельности все более неблагоприятно начало сказываться и новое обстоятельство — постепенное приоткрытие "железного занавеса". Возможность заграничных поездок или даже эмиграции стала все более превращаться в одну из главных приманок для научного сотрудника. А все прекрасно знали, что работа по "закрытой" теме чрезвычайно затрудняла выезд зарубеж. Некоторые по этой причине оставались невыездными до второй половины 80-х годов.

Не очень-то удавались попытки координировать и направлять в соответствии с решением №229 военно-экономическое изучение зарубежных стран в других ведомствах (КГБ, МИД, и т.д.), а также получать от них разведывательную и иную информацию для сборников СОП ВЭП. Это был уже период прогрессирующего распада советской системы, когда даже решения Политбюро выполнялись без прежнего рвения. Из КГБ и МИД вообще ничего не поступало, из МВД поступали только статистические таблицы по экспорту и импорту, однако через несколько лет и этот источ-

⁴ Harold J.Clem. *Mobilization Preparedness. National Defense University, Washington, D.C., 1983, p.116.*

ник информации иссяк. Лишь военно-промышленные министерства регулярно присылали свои справки о состоянии соответствующих отраслей зарубежных стран. Что же касается оценок производственных мощностей военной промышленности стран Запада, то тут они, за редкими исключениями, присылали цифры мощностей, взятые из получаемых ими сборников СОП ВЭП. Получался своего рода пинг-понг.

Приходилось думать о том, чтобы создать чисто военный институт по изучению потенциального противника.

Такой институт был создан пять лет спустя после решения Политбюро №229. Это уже был не институт исследования и прогнозирования ВЭП иностранных государств, а институт изучения и оценки военного потенциала этих стран в целом, в котором ВЭП отводилось подчиненное место как одному из элементов (наряду с военно-техническим потенциалом и т.п.) общего военного потенциала.

Тем не менее в институте было создано военно-экономическое управление, куда я и был назначен в ноябре 1976 года заместителем начальника управления. Первоначально предполагалось, что 10-е управление ГРУ будет продолжать выпускать сборники СОП ВЭП и заниматься оперативным информированием руководства Минобороны и страны по вопросам военной экономики, а военно-экономическое управление института будет развивать теорию ВЭП, разрабатывать новые методики его определения и т.д.

К этому времени руководство ГРУ явно утратило интерес к военной экономике. Сборники СОП ВЭП выпускались как на потоке, каких-либо нареканий "сверху" их содержание не вызывало. Руководству, видимо, стало жалко тратить превосходные генеральские и офицерские должности на выращивание экономистов. В 1978 году 10-е военно-экономическое управление ГРУ было расформировано, а на основе его штатов вопреки решению №229 было создано управление совершенно другого профиля.

Что же касается сборников СОП ВЭП, то они без всякого предупреждения, в одночасье, были переданы военно-экономическому управлению института с тем, чтобы он продолжил их выпуск. В августе 1980 года я был назначен начальником этого управления. Теперь за всю выдаваемую информацию о военно-экономическом потенциале Запада и его мобилизационной подготовке отвечал уже я сам.